

БОГОЧЕЛОВѢКЪ.

(Изъ Лютарда).

Божественный отвѣтъ на грѣхъ человѣка—благодать Божія, а высочайшее откровеніе этой благодати—Исусъ Христосъ. Кто же Онъ? Это вопросъ, волнующій міръ съ тѣхъ поръ, какъ церковь вѣру въ Него сдѣлала своимъ исповѣданіемъ.

Когда христіанство хочетъ выразить высочайшее и замѣчательнѣйшее о Христѣ, то называетъ Его Богочеловѣкомъ. Это исповѣданіе церкви; объ немъ мы будемъ говорить теперь.

Называя Иисуса Христа Богочеловѣкомъ, мы въ этомъ словѣ понимаемъ все, во что мы вѣруемъ и что признаемъ въ Немъ. Но не будетъ ли это невозможное понятіе? Можно ли соединить большія противоположности, какъ тѣ, которыя представляетъ намъ мысль о Богочеловѣкѣ? И во всякомъ случаѣ міръ не пришелъ бы къ этой мысли. Это мысль новая; она не есть продуктъ человѣка; она не произошла бы, если бы не было явленія Богочеловѣка. Только оно могло возбудить эту мысль. Мысль существуетъ потому, что существуетъ фактъ.

Но существуетъ ли фактъ? Дѣйствительно ли Исусъ Христосъ—Богочеловѣкъ? Вотъ вопросъ, съ которымъ къ намъ обращаются.

Наука о Богочеловѣкѣ соединяетъ двѣ стороны: человеческую и божескую. Разсмотримъ обѣ въ такомъ порядкѣ, какъ онѣ находятся въ священномъ Писаніи

Ничего не может быть вѣрнѣе того, что Иисусъ Христосъ былъ человѣкъ въ полномъ, истинномъ смыслѣ. Евангелисты представляютъ намъ полную человѣческую жизнь Его. Онъ не только внѣшнимъ образомъ велъ жизнь человѣческую, но и внутренне Вездѣ мы видимъ въ Немъ глубину полной истинно-человѣческой душевной жизни. То, что внутренне волнуетъ насъ, было и Ему извѣстно: горе и радость, гнѣвъ и любовь, рвеніе и страхъ волновали и Его душу. Онъ не представлялъ Собою только прекрасную небесную картину, пронесшуюся надъ землею. Онъ былъ воплощенный человѣкъ, проживавшій полную человѣческую жизнь на землѣ, жизнь между людьми. Онъ гнѣвался на одного, любилъ другихъ, и нѣкоторыхъ называлъ друзьями своими. Когда народъ не призналъ Его, это Его огорчило; вражда, которую Онъ испыталъ, причинила Ему глубокое горе; любовь и вѣрность другихъ была Ему отрадой и утѣшеніемъ; излить въ молитвѣ предъ Отцемъ Небеснымъ тоску своего сердца, или въ минуту страха желать видѣть около себя расположенныхъ людей, было такою же потребностію для Него, какъ и для насъ. Цѣлый міръ ощущеній, посѣщающій души наши, былъ открытъ и Его душѣ. И самое мрачное и тяжелое въ жизни нашей—борьба

съ искушеніемъ—а это не мимовало Его. Онъ долженъ былъ устоять противъ искушеній,—искушеній за Его дѣйствія, искушеній за Его страданія. Они не только съ внѣшней стороны представлялись Ему, но коснулись и Его внутренней душевной жизни; Онъ долженъ былъ внутренне защищаться отъ нихъ; Онъ долженъ былъ бороться противъ того, чтобы грѣхъ не завладѣлъ Имъ, какъ онъ того искалъ.

Но здѣсь предѣлъ, у котораго расходятся пути Его и пути нашей жизни; потому что Спаситель не далъ проникнуть грѣху въ свою внутреннюю жизнь. Чистое зеркало души Его ни на минуту не омрачилось темною силою грѣха. Сущ-

ность грѣха—самолюбіе. Никогда еще міръ не встрѣчалъ даже приблизительно такой самоотверженной жизни, какъ Его жизнь. Никогда Онъ ни на минуту не подумалъ о Себѣ, никогда, даже отдаленно, не искалъ ничего для Себя. Ему представлялся въ уединенной пустынѣ случай искать для себя наслажденій, почестей, мірскаго господства. Испытатель представлялъ Ему плотскую картину Мессіи Его времени. Но Онъ не далъ этой мысли доступу внутрь Себя и отвергъ ее съ негодованіемъ. Маловѣріе учениковъ Его, равнодушіе толпы злоба Его противниковъ могли бы сдѣлать Его нетерпѣливымъ или раздражительнымъ; но они вызвали въ Немъ только вздохи скорби, и никогда не вызвали нетерпѣливаго слова. Тотъ предсмертный страхъ, который овладѣлъ Имъ въ одинокіе часы послѣдней ночи, могъ бы отклонить Его отъ тяжкаго пути страданія; но Онъ уничтожилъ въ молитвѣ страхъ души своей, и преодолѣлъ искушеніе побѣдоноснымъ послушаніемъ своимъ. Онъ преодолѣлъ всѣ искушенія, какова ни была ихъ сила, всегда равномерной святостью воли своей.

Если мы представимъ себѣ ту картину, которую намъ изображаютъ евангелія о жизни и дѣятельности Господа Іисуса, то убѣдимся, что здѣсь была прожита святая жизнь; она всегда была идеаломъ людей. Языческія религіи мечтали объ этомъ. Философы по мѣрѣ нравственныхъ своихъ понятій создали такой идеаль. Платонъ говорилъ объ этомъ почти пророческими словами, стоики дали ему названіе мудраго; но они не нашли его, и никто не осуществилъ идеала. Здѣсь это дѣйствительность и въ высочайшемъ смыслѣ, чѣмъ когда либо приходило на мысль человѣку; потому что святость Іисуса Христа есть святость любви. Дохристіанскій міръ представлялъ идеаломъ своимъ безпорочную справедливость, или гордое благородство, или нечувствительное спокойствіе. Но самое высочайшее—служащую любовь и то, что истинное

величіе состоитъ въ самоотверженномъ смиреніи—это міръ узналъ только тогда, когда Господь Іисусъ научилъ насъ этому фактомъ жизни своей и представилъ намъ осуществленіе этого идеала въ лицѣ своемъ.

А что Онъ былъ таковъ, я не знаю, какъ можно это отрицать. Евангелисты не ограничились одними только убѣжденіями въ томъ, что Онъ велъ святую жизнь; они намъ ее изобразили, и изобразили ее со всѣхъ сторонъ. И самый зоркій глазъ не могъ бы въ картинѣ этой открыть черты, которая бросила бы тѣнь на Него. Онъ говорилъ своимъ противникамъ, что они не могутъ упрекнуть Его во грѣхѣ, и они молчали на это. Онъ говорилъ о Себѣ, и жизнь Его служить доказательствомъ тому, что Онъ находился въ общеніи съ Богомъ, которое не имѣетъ границы, даже такой границы, какую полагаетъ грѣхъ у самаго благочестиваго человѣка. Онъ говоритъ и дѣйствуетъ съ авторитетомъ человѣка, который не знаетъ грѣха между Собой и Отцомъ своимъ. Онъ другимъ прощаетъ грѣхъ, но Самъ не нуждается въ прощеніи. Онъ училъ насъ молиться ежедневно: остави намъ долги наша; Самъ же никогда не просилъ прощенія ни въ Геосиманіи, ни на крестѣ. Всѣ мы чувствуемъ нравственную потребность, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мгновеніяхъ, въ серіозныхъ рѣшительныхъ минуты, во время тяжелыхъ посѣщеній, преклониться предъ Господомъ и признать себя виновными предъ Нимъ. Можно сказать, что это—мѣрило нашей нравственности. Никогда человѣкъ не несъ такого бремени судьбы, никогда не былъ повергнутъ въ такой глубочайшій душевный страхъ, какъ Господь Іисусъ; но обвинять Самого Себя Онъ не могъ. Онъ думалъ только о грѣхѣ своего народа, Онъ просилъ только о прощеніи ему, но не Себѣ. Если бы въ Немъ была хоть тѣнь грѣха,—она въ эти минуты не могла бы ускользнуть отъ внутренняго сознанія

Его. Его сознание всегда одинаково: Онъ Спаситель отъ грѣховъ, Онъ Судья грѣшнаго міра,—Самъ же Онъ не принимаетъ участія въ его грѣхѣхъ. Въ этомъ высказывается сознание Его безусловной безгрѣшности. Если что вѣрно о лицѣ Иисуса Христа, такъ это то, что Онъ безгрѣшенъ.

Если Иисусъ Христосъ человѣкъ съ безусловной безгрѣшностью, то Онъ чудо, потому что Онъ тогда не отчасти, а существенно отличается отъ всѣхъ прочихъ людей, и представляетъ нѣчто новое въ совокупности нашего рода. Мы хорошо знаемъ, что можемъ исходить всѣ мѣста и разобрать всѣ времена, и не найдемъ на землѣ безгрѣшнаго человѣка; потому что грѣхъ глубоко проникъ во внутренніе корни нашего всеобщаго существованія для того, чтобы мы хотя одну минуту могли въ немъ сомнѣваться. Если нашелся чистый человѣкъ въ этомъ мірѣ грѣха, то онъ чудо, тогда и явленіе его въ жизнь должно быть чудомъ; даже если бы евангелія не изображали намъ того, что они повѣствуютъ о чудѣ Его зачатія и рожденія, мы бы сами чувствовали потребность въ этомъ. Мы всѣ сознаемъ, что на обыкновенномъ пути не можетъ быть святаго, безгрѣшнаго человѣка; рожденное отъ плоти и будетъ плотъ.

Господь Иисусъ явился также, какъ и христіанство, потому что Онъ Самъ христіанство. Христіанство не есть продуктъ человѣческаго ума, но творческое дѣло Бога. Точно также и Онъ. Онъ вступаетъ въ общность нашего рода, но Онъ не есть продуктъ нашего рода: Онъ вѣтвь на деревѣ челоуѣчества, но Онъ благородная вѣтвь на этомъ деревѣ, т. е. Онъ произошелъ чудеснымъ образомъ, Онъ зачатъ и рожденъ женою, но безъ мужа.

Тогда только Онъ и можетъ быть тѣмъ, чѣмъ Онъ Самъ Себя называетъ, т. е. сыномъ челоуѣческимъ. Что это значитъ? Онъ не только одинъ между многими,—Онъ сынъ челоуѣче-

скій. Какъ Мессія, Онъ цѣль исторіи Израиля и исполненіе его надеждъ; какъ сынъ человѣческій, Онъ цѣль исторіи человечества и исполненіе надеждъ нашего рода. Онъ тотъ, Кого искали народы, Кого они видѣли въ мечтахъ своихъ, Кого жаждало ихъ сердце, Кого предполагала исторія нашего рода, въ Комъ она должна была найти свое заключеніе, чтобы Онъ сдѣлался новымъ началомъ, началомъ новаго рода человѣческаго. Это Онъ хочетъ выразить, называя Себя сыномъ человечества. Онъ преступаетъ границы Израиля, соединяетъ всѣ народы и обозначаетъ Себя ихъ общою цѣлью.

Потому-то Онъ владыка человечества. Такимъ изображаютъ Его въ особенности три первыя евангелія со всѣхъ сторонъ. Онъ владыка общины Господней: Его ждали благочестивые люди ветхаго завета; Онъ исполненіе ихъ надежды и осуществленіе предсказаній пророковъ. Онъ владыка всѣхъ людей. Въ Немъ душа наша обрѣтаетъ спокойствіе и страждущіе миръ и подкрѣпленіе. И не только отдѣльный человѣкъ, но и весь міръ руководится Его словомъ, и будущая судьба его зависитъ отъ того положенія, которое онъ приметъ въ отношеніи къ Нему. Вѣрують или не вѣрують въ Него—это рѣшаетъ вѣчный жребій каждаго человѣка; потому что рѣшеніе вѣчности въ Его рукѣ, и уста Его произнесутъ окончательный судъ. Короче сказать, Онъ владыка всего міра и каждой отдѣльной человѣческой души. Онъ имѣетъ абсолютное отношеніе къ міру.

Такъ говорятъ о Немъ три первыя евангелія.

Но это отношеніе Его къ человѣку основывается на отношеніи Его къ Богу, и въ этомъ заключается глубочайшая тайна Его существа. Въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ у св. Маттея сказано: *Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и никтоже знаетъ Сына, токмо Отець. ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и аще кто волюетъ Сына открыть* (Матт.

XI, 27), Его отношеніе къ міру основывается на отношеніи Его къ Богу. Что же это за отношеніе? Онъ представляетъ Себя міру вмѣстѣ съ Богомъ. Какъ Богъ для міра сокровенная тайна, точно такъ же и Онъ; но для Него Богъ не тайна. Отецъ и Сынъ—открыты другъ другу, для міра же они тайна. Онъ не принадлежитъ міру, но принадлежитъ глубочайшей божественной тайнѣ. Слово, которое намъ говоритъ евангелистъ, коротко, но оно открываетъ нуть дальнозоркости нашей въ скрытую глубину существа Его. Эта скрытая глубина существа Его, которую три первыхъ евангелія болѣе обозначаютъ, составляетъ собственно тему евангелія Іоанна. Онъ разоблачаетъ предъ нами этотъ скрытый планъ вѣчнаго существа Господа Іисуса. Онъ показываетъ намъ корни существованія Его въ вѣчномъ единеніи Его съ Богомъ, которое въ жизни Его вездѣ выступаетъ. Но то, что говоритъ Іоаннъ, что говоритъ Іисусъ Христосъ въ повѣствованіи Іоанна о вѣчномъ существѣ своемъ, соединяется въ одномъ выраженіи: *Сынъ Божій*. Этимъ обозначается не только призваніе Его какъ Мессіи,—какъ евреи употребляли это слово,—но этимъ обозначается особенное предпочтеніе Его личности. Люди, особенно призванные Богомъ или близкіе Ему по благочестію, могутъ называться сынами Божиими; но Онъ одинъ истинный Сынъ Божій и нѣтъ другаго Ему подобнаго, т. е. Онъ въ самомъ Богѣ получилъ свое начало, въ вѣчномъ существѣ Его; отсюда Онъ произошелъ и пришелъ въ міръ; Онъ носитъ въ Себѣ полноту божественной жизни. Онъ Самъ жизнь и свѣтъ, благодать и истина, Онъ принадлежитъ невремени, а вѣчности: прежде Авраама Онъ былъ вѣчно съ Богомъ въ царствіи Божіемъ и въ общеніи Его любви. Такъ Онъ Самъ Себя обозначаетъ, и когда Ома привѣтствуетъ воскреснаго словами, которые евангелистъ съ особеннымъ значеніемъ помѣщаетъ въ заключеніе евангелія своего: *Господь мой*

и Бог мой! Иисусъ принимаетъ это признаніе какъ соответствующее выраженіе вѣры въ Него.

Съ тѣхъ поръ это сдѣлалось исповѣданіемъ апостоловъ, исповѣданіемъ христіанской церкви и нашимъ исповѣданіемъ. Всѣ мы называемъ Его Господомъ своимъ и преклоняемъ колѣна при имени Его.

Таково ученіе апостоловъ, выраженное въ посланіяхъ, таковъ былъ обычай апостольской церкви. Какъ іудей отличается отъ язычника тѣмъ, что онъ въ молитвѣ обращается къ Іеговѣ, такъ точно въ отличіе отъ язычниковъ и іудеевъ тѣ называются христіанами, которые призываютъ имя Христова. Молитва къ Господу Іисусу есть доказательство вѣры ихъ въ божество Его, потому что только Богу можно молиться.

Обычай этотъ остался со временъ апостоловъ на всѣ времена въ христіанской церкви. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти ап. Іоанна, Плиній, римскій намѣстникъ Малой Азіи, пишетъ къ царственному другу своему Траяну о христіанахъ той страны и упоминаетъ объ особенномъ религіозномъ обычаѣ ихъ, о томъ, что они въ пѣсняхъ своихъ прославляютъ Іисуса какъ Бога; а церковный историкъ Евсевій, писавшій во времена Константина, рассказываетъ о множествѣ гимновъ и пѣсней изъ первыхъ столѣтій, въ которыхъ прославляется божество Іисуса Христа. Таково было вѣрованіе церкви во всѣ времена. Ихъ молитвы, ихъ богослуженіе, даже искусство ихъ не менѣе свидѣтельствуютъ объ этой вѣрѣ, какъ ихъ исповѣданіе и ученіе. Отрицаніе ея уже не первое, а второе.

Тѣмъ не менѣе отрицаніе идетъ съ вѣками, начиная отъ людей первыхъ временъ съ іудейскими помыслами, которые во Христѣ видѣли только пророка, и до раціоналистовъ, которые думали опредѣлить Его значеніе идеаломъ добродѣ-

тели, или до тѣхъ новѣйшихъ, которые думаютъ отдать Ему справедливость, почитая Его религіознымъ гениемъ челоѣчества. Но если здѣсь, какъ и вездѣ, причина и дѣйствіе должны соотвѣтствовать другъ другу, то причины этой недостаточно, чтобы объяснить дѣйствіе. Если мы поймемъ фактъ христіанства, то увидимъ, что Христосъ, представляемый намъ исторіею, не тотъ, котораго понимаютъ раціоналисты, и не тотъ, какого рисуютъ себѣ мудрецы новѣйшаго времени. Онъ Спаситель и Примиритель. Мы нуждаемся въ примиреніи съ Богомъ; примиреніе же съ Богомъ требуетъ Богочеловѣка, а не религіознаго генія.

То, что я говорилъ до сихъ поръ, должно было служить къ тому, чтобы подтвердить намъ фактъ такимъ, какимъ онъ намъ представленъ въ священномъ Писаніи, и какимъ его признаетъ церковь. Разсмотримъ далѣе необходимость, возможность и дѣйствительность явленія Богочеловѣка.

Но, приступая къ этому, не забудемъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, фактъ не зависитъ отъ нашего мышленія. Умъ нашъ чувствуетъ потребность понять этотъ фактъ. Вся исторія ученія церкви о лицѣ *Иисуса Христа ведетъ къ тому, чтобы* убѣдить насъ въ немъ. Мы никогда вполне не достигнемъ цѣли, а все же стремимся къ ней и не можемъ остановиться. Но внѣ всѣхъ нашихъ мыслей существуетъ фактъ и въра въ него.

Для чего пришелъ Богочеловѣкъ? Съ тѣхъ поръ, какъ начали думать о тайнахъ вѣры въ церкви, задавали себѣ этотъ вопросъ. Богочеловѣкъ не долженъ былъ быть только случайнымъ фактомъ; это потребность ума нашего—понимать Его, какъ внутреннюю необходимость. Вопросъ *почему*—во всѣхъ вещахъ есть вѣсочайшій вопросъ ума: такъ и здѣсь.

Главная причина воплощенія Сына Божія заключается въ грѣхѣ челоуѣка; потому что грѣхъ требуетъ примиренія, а примиреніе требуетъ Богочелоуѣка.

Когда Іоаннъ Креститель указалъ ученикамъ слѣдовать за Іисусомъ, онъ назвалъ Его агнцемъ Божиимъ, несущимъ на Себѣ грѣхъ челоуѣка. Съ этой точки зрѣнія они должны были понимать Іисуса Христа, съ этой точки зрѣнія должны и мы понимать Его. Если бы мысли наши приходили въ заблужденіе въ слѣдствіе тѣхъ многочисленныхъ возраженій, которыя мы слышимъ со всѣхъ сторонъ, то мы можемъ остановиться на одной достовѣрности: Онъ Спаситель грѣшнаго міра. Ни въ чемъ мы христіане не можемъ быть болѣе увѣрены, какъ въ томъ, чтобы видѣть въ Немъ нашего Спасителя и вѣровать въ Него. Если мы хотимъ понять Его, то должны понимать съ этой точки зрѣнія. Это дѣль Его явленія, слѣдовательно это и причина Его воплощенія. Онъ пришелъ спасти и сдѣлать блаженнымъ то, что было погибшимъ. Въ этомъ состоитъ проповѣдь всѣхъ апостоловъ, это исповѣданіе всей церкви. Когда евангелисты рассказываютъ намъ Его жизнь, то верхъ рассказа составляетъ смерть Іисуса Христа; они хотятъ выразить то, что Онъ сдѣлался челоуѣкомъ, чтобы умереть для насъ. Когда апостоль Павелъ хочетъ выразить всю проповѣдь свою однимъ словомъ, то онъ называетъ крестъ: *«не судихъ видѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята»* (Кор. 2, 2). Когда ап. Петръ хочетъ излить всю душу свою, то онъ говоритъ о праведникѣ, пострадавшемъ за грѣшниковъ (1 посл. Петра 3, 18). И тѣ хоры небесныя, которыя Іоаннъ слышитъ въ откровеніи своемъ, поются Агнцу Божию, который былъ принесенъ въ жертву за насъ и искупилъ насъ кровію своею (Апок. 5, 9). Провозглашеніемъ апостоловъ и проповѣди церковной служить Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ; молитвы и пѣсни

церкви остаются теплѣе и задушевнѣе, когда восхваляютъ распятаго и поютъ о челѣ, покрытомъ ранами и кровію. Христіанское искусство искало высочайшаго торжества въ изображеніи главы, увѣнчанной вѣнкомъ терновымъ, и Спасителя на крестѣ. Мы выражаемъ всю душу свою, называя Его Спасителемъ, и высочайшая хвала церкви состоитъ въ прославленіи Его таковымъ. Спасеніе—это великій фактъ вѣчнаго милосердія Божія, отъ котораго зависитъ участь всего міра и всѣхъ насъ.

Это—высочайшее дѣло благодати для грѣшнаго противодѣйствующаго міра, дѣло свободнѣйшей и самой незаслуженной благодати; потому что кто скажетъ, что заслужилъ ее? Въ другихъ случаяхъ мы можемъ говорить о заслугахъ своихъ,—здѣсь мы должны умолкнуть. Это милосердіе, и ничего больше,—милосердіе для міра грѣшниковъ. Мы погибли бы безъ этой спасительной благодати. Если мы хотимъ понять Іисуса Христа, то должны понимать Его какъ Спасителя нашего.

Призваніе Іисуса Христа состоитъ не въ томъ только, чтобы спасти насъ, но и въ томъ, чтобы привести къ вѣчному совершенству. Въ чемъ мы должны найти дѣло вѣчнаго опредѣленія нашего, и все твореніе—цѣль совершенства своего. Мы должны послѣдовать за Нимъ въ тотъ міръ преображенія и совершеннѣйшаго общенія съ Богомъ, въ который Онъ намъ предшествовалъ,—и конецъ всего есть великая гармонія міра, которую разрушилъ грѣхъ человека, а Онъ вновь возстановилъ. Онъ не только нашъ глава, но и глава всего, въ чемъ міръ долженъ найти свое единство; а путь къ этой цѣли ведетъ чрезъ примиреніе и спасеніе. Для того Христосъ сдѣлался человекомъ, чтобы посредствомъ спасенія сдѣлать насъ совершенными.

Долго Его ждали, издалека предсказывали Его явленіе; еще съ самаго начала жаждали примиренія и ожидали примирителя. Онъ тотъ, который долженъ былъ придти. Язычники предчувствовали Его: они говорили о явленіи Божества на землѣ или о возвышеніи людей къ достоинству Божества. Все это фантазіи и сочиненія, имъ недостаетъ истинно нравственнаго зародыша, мысли о спасеніи; но все же это предчувствія истины, предчувствія того, что долженъ быть созданъ мостъ черезъ пропасть, которая отдѣляетъ святаго Бога отъ грѣшнаго человѣчества, что Богъ долженъ придти къ намъ, для того чтобы мы могли придти къ Нему. Съ древнихъ временъ Богъ открылся въ Израилѣ. Его вѣчная благодать и истина послѣдовала за людьми, чтобы вновь призвать ихъ къ Себѣ, и вновь заключить союзъ, который былъ прерванъ грѣхомъ. Всѣ эти откровенія—приготовленіе и ступени къ тому откровенію, въ которомъ Онъ долженъ явиться Самъ и въ Самомъ Себѣ вновь заключить союзъ общенія. Когда исполнилось время, Богъ послалъ Сына Своего. Причина воплощенія Христа заключается въ грѣхѣ. Мы почти чувствуемъ искушеніе восхвалить грѣхъ, вмѣстѣ съ древней пасхальной пѣснью—*felix culpa*—за то, что чрезъ него мы приобрѣли такой даръ, еслибы страданія грѣшниковъ и мысль о погибшихъ не заставили замереть на устахъ нашихъ это слово. Но тѣмъ болѣе мы должны восхвалять благодать Божию, для которой грѣхъ послужилъ только поводомъ, чтобы открыть намъ всю глубину любви своей, потому что, говоритъ апостолъ, если грѣхъ сдѣлался могущественъ, то благодать стала еще могущественнѣе (Римл. 5, 20) въ Немъ, который явился посредникомъ между нами и Богомъ.

Если же Онъ явился посредникомъ между обоими, чтобы возстановить и довершить общность, которую грѣхъ разорвалъ, то Онъ долженъ одинаково принадлежать обоимъ. Онъ

долженъ находится въ совершенной общности съ Богомъ и съ нами, чтобы уже въ лицѣ своемъ представлять совершеннѣйшій союзъ обоихъ, который должно было сдѣлать дѣло Его жизни. Онъ долженъ былъ принадлежать намъ, чтобы насъ спасти, потому что дѣло примиренія и спасенія могло быть только дѣломъ Божиимъ, и мы будемъ черпать изъ полноты божественной благодати, если будемъ черпать изъ Его подноты. Если мы находимъ въ немъ Того, въ Котораго вѣруемъ, Примирителя и Спасителя отъ грѣховъ, то въ немъ должно быть соединено божество и человѣчество. Грѣхъ требуетъ примиренія, а примиреніе требуетъ Богочеловѣка.

Но какъ же это можетъ быть соединено въ одномъ? Развѣ возможенъ Богочеловѣкъ? Развѣ божество и человѣчество не противоположности, исключаютъ одна другую? Они бы ими были, если бы только противустояли другъ другу какъ безконечность и конечность, если бы между ними не было никакой связи, если бы мы не были сродны Богу. Но мы созданы по образу Божию, мы носимъ въ существѣ своемъ образъ и подобіе Его, мы божественнаго происхожденія: Когда мы думаемъ о Богѣ, то представляемъ Его въ нашемъ образѣ, и мы думаемъ объ Немъ правильно, если представляемъ Его таковымъ. Какъ Богъ Самъ вѣченъ, такимъ Онъ хотѣлъ видѣть и человѣка,—вѣчно любящимъ, чтобы сообщить Себя ему.

Есть связь и влеченіе любви между Богомъ и нами. Хотя Господь самодоволенъ и въ Себѣ Самомъ блаженъ, Ему не нужно никого другаго для Его благоденствія и совершенства, но любовь Его низводитъ Его къ намъ, такъ что Онъ склоняется къ намъ и сообщается намъ. Онъ, котораго не могутъ постигнуть всѣ небеса небесъ, избралъ насъ своимъ жилищемъ, въ которомъ живетъ Его любовь. И по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Него посредствомъ грѣха, благодать

Его послѣдовала за нами и приближалась къ намъ, покуда не сдѣлалась нашей плотію и кровію. Возможность воплощенія Сына Божія заключается въ этой нисходящей изъ намъ любви Божіей и въ назначеніи человѣка, потому что наше человѣческое назначеніе заключается въ томъ, чтобы воспринять въ себя Бога, носить Его въ себѣ и сдѣлать Его содержаніемъ нашего мышленія и желанія,—всей нашей внутренней жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли это содержаніе посредствомъ грѣха, душа вновь жаждетъ исполниться жизнію Божіею. Въ Иисусѣ Христѣ должна была воплотиться полнота божества, чтобы мы изъ полноты Его могли черпать благодать за благодать. Возможность вочеловѣченія столько же заключается въ существѣ человѣка, какъ и въ существѣ Бога.

Но какъ намъ представить дѣйствительность Богочеловѣка? И можемъ ли мы когда нибудь достигнуть того, чтобы ее представить себѣ? Потребность вѣры нашей—стремиться къ познанію; но мы не должны забывать того, что не познаніе наше вѣруетъ, а вѣра познаетъ. Кто истинно позналъ Бога? Развѣ вѣра наша будетъ ожидать, покуда мы Его поймемъ? Увѣренность наша происходитъ не изъ однихъ мыслей ума. Никто никогда не позналъ вполне существа Божія, никто никогда не позналъ вполне существа человѣческаго. Частію въ идеѣ о Богѣ и человѣкѣ у насъ постоянно остаются загадки, сколько бы мы ни думали объ этомъ, то чему же мы удивляемся, если въ идеѣ о Богочеловѣкѣ для насъ не разрѣшатся всѣ загадки? Онъ бы не былъ тѣмъ, чѣмъ Онъ есть, удивительнѣйшимъ явленіемъ на землѣ, если бы намъ въ Немъ не оставалось тайны.

Когда мы говоримъ о Богочеловѣкѣ, мы соединяемъ въ этомъ величайшія противоположности: божество и человѣчество, соединенныя вмѣстѣ. Это великая мысль, это слово, не имѣющее сравненія. Но возможная ли это мысль? Если мы

остановимся на божествѣ 'Господа Іисуса, то не пострадаетъ ли отъ этого истинное человѣчество; или, если мы будемъ доказывать истинное человѣчество, не подвергнемся ли мы опасности потерять чрезъ то божество Его? Какъ только люди насались идеи Богочеловѣка, мысли ихъ заблуждались и съ той и съ другой стороны. Одни считали Его обыкновеннымъ человѣкомъ, который только въ особенной степени преисполненъ духомъ откровенія. Для другихъ Онъ былъ существо высшаго міра, которое только какъ явленіе промелькнуло надъ землею, не принадлежа въ дѣйствительности роду человѣческому. Церковь доказала истину обоимъ этимъ заблужденіямъ, но они еще долго продолжались на собственномъ лонѣ своемъ и проявлялись въ различныхъ образахъ. Вссообщее размышленіе церквей о таинственномъ лицѣ Іисуса Христа есть непрерывно возобновляющійся трудъ въ теченіи 'столѣтій, старающійся преодолѣть тѣ заблужденія, вполне понять мысленно и высказать словами истину такую, какою ее знало христіанство съ самаго начала. Кто можетъ сказать, что онъ уже достигъ этой цѣли? Мы еще только на пути къ полному познанію Сына Божія (Ефес. 4, 13).

Ходъ, который приняло церковное ученіе и богословіе, можно сравнить съ исторіей христіанскаго искусства

Вы знаете картины изображенія Іисуса Христа, прежняго, такъ называемаго, византійскаго типа, которыя представляютъ образъ Іисуса съ выраженіемъ божественнаго величія на золотомъ фонѣ небесной славы, освобожденнымъ отъ человѣческой общности и земной дѣйствительности. Всѣ мы скажемъ, что это символическое выраженіе Его скрытой славы, а не изображеніе Его исторической дѣйствительности. Но, конечно, еще менѣе могутъ насъ удовлетворить тѣ картины, которыя, по манерѣ нидерландскихъ портретныхъ живописцевъ, представляютъ глазамъ нашимъ Господа Іисуса въ

человѣческой сферѣ, лишеннымъ всякаго божественнаго величія и достоинства. Тѣ хотять изобразить истину на счетъ дѣйствительности, а эти—дѣйствительность на счетъ истины. Мы скажемъ, что высочайшая задача искусства будетъ состоять въ томъ, чтобы въ человѣческой дѣйствительности представить намъ божественную истину. Конечно, цѣль эта едвали достижима, но она достойна полнаго стремленія. Можно сказать, что способъ, какимъ наши древніе учителя говорятъ о лицѣ Иисуса Христа, нѣсколько сходенъ съ изображеніями византийскаго типа. Онъ происходитъ отъ чувства благоговѣнія, и мы въ этомъ опять узнаемъ Того, предъ Кѣмъ преклоняются наши колѣни, а все же мы иногда сожалѣемъ о томъ, что недостаетъ здѣсь полной истины вочеловѣчившагося. Если же новѣйшее время думало исправить, какъ ему казалось, ошибку эту тѣмъ, что оно совершенно уничтожило божество въ словѣхъ Иисусѣ, и замѣнъ того украсило Его несвойственными Ему красками по собственному вымыслу; то вѣра наша отворачивается отъ этого чуждаго намъ образа. Задача мыслей нашихъ состоитъ въ томъ, чтобы въ Иисусѣ видѣть всего, полнаго, истиннаго человѣка, но въ человѣчествѣ Его замѣчать всю полноту божества: все въ Немъ человѣчно, но и божественно.

Такъ представлялъ себѣ Его Іоаннъ, когда произносилъ великія слова: *и Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1, 14), и когда онъ изображалъ намъ этого вочеловѣчившагося, какъ совершеннѣйшее откровеніе Отца, какъ жизнь и свѣтъ міра, и Его человѣческую природу, какъ представительницу жизни вѣчной. Его вѣчное божество не только облеклось въ человѣческое явленіе, но перешло изъ небеснаго состоянія въ историческую дѣйствительность человѣческаго существованія, изъ

жизни божественной славы въ жизнь нашей человѣческой природы. Эта мысль руководила Іоанномъ, когда онъ началъ евангеліе свое тремя знаменитыми предложеніями, которыя какъ могучіе удары предрекаютъ тайну писанія его: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. То, что онъ хотѣлъ выразить въ этихъ трехъ словахъ, звучить слѣдующимъ образомъ: предвѣчно существовалъ Тотъ, Который явился во времени; у Бога былъ Тотъ, Который явился между нами; Богъ по свойству былъ Тотъ, Который явился во плоти. Онъ измѣнилъ одно существованіе на другое: Онъ отказался отъ славы своей, чтобы вступить въ нищету нашу; Онъ оставилъ вѣчность, чтобы войти въ исторію.

И то, что Онъ сдѣлалъ, войдя въ міръ, было постояннымъ дѣломъ Его жизни въ мірѣ. Это было не единственное отреченіе Его отъ царства Отца Своего; Онъ постоянно подтверждалъ это отреченіе—тамъ въ пустынѣ, когда Ему искушитель представлялъ будущее господство надъ міромъ земнымъ, или тогда, когда народъ, въ восхищеніи послѣ удивительной трапезы, съ торжествомъ хотѣлъ ввести Его въ Іерусалимъ и возвести на престолъ Давида, чтобы Онъ сдѣлался царемъ по его понятію (Іоан. 6, 15), сильнѣе же всего въ ту мрачную ночь, когда при началѣ страданій искушающая сила хотѣла достигнуть посредствомъ страха того, чего не достигла въ началѣ посредствомъ блестящихъ надеждъ. Это всегда было дѣломъ Его собственной воли, что Онъ вмѣсто богоподобнаго величія, которое собственно Ему принадлежало, все вновь избиралъ и подтверждалъ рабскій образъ земнаго человѣка, который Онъ принималъ.

Но сквозь этотъ образъ раба сіялъ свѣтъ скрытаго величія, даже и независимо отъ тѣхъ чудесъ Его, которыхъ мы не можемъ отрицать и которыя не составляютъ главнаго въ Его дѣлѣ. Мы ищемъ въ Немъ Освободителя и Спасителя.

Это главнымъ образомъ, а не величіе божественнаго всемогущества, приобрѣтаетъ Ему сердца наши; послѣдняго мы не ищемъ въ Немъ, это бы намъ не помогло. Могущество Его служить только Его призванію и не идетъ дальше Его призванія. Вотъ тайна вочеловѣчивагося: вѣчная жизнь, побѣждающая нашу духовную смерть; священный свѣтъ, уничтожающій мракъ души нашей; любовь, ищущая и спасающая насъ грѣшныхъ. Въ этомъ состоитъ откровеніе Его величія, и это собственно откровеніе Божіе; понимать же Бога какъ безконечное могущество, не значить истинно понимать Его. Это рубецъ Его одежды; Самъ Онъ—священная жизнь любви, наполняющая души наши, утоляющая голодъ нашъ и составляющая наше существенное благо. Это полнота божества, живаго въ Немъ.

Конечно, въ земномъ сосудѣ плоти и слабости это была противоположность между Его внутреннимъ существомъ и Его виѣшней исторической дѣйствительностію. Противоположности эти существуютъ не только во виѣшной жизни Господа Иисуса, отъ рожденія Его въ Вифлеемѣ до смерти на крестѣ и погребенія; но противорѣчіе это между сущностію и дѣйствительностію запечатлѣно на всемъ Его существованіи, потому что тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ по существу своему, вѣчнымъ Сыномъ Бога Отца, этимъ Онъ намъ не являлся, а то, какимъ Онъ явился намъ, не было соотвѣтствующею дѣйствительностію того, чѣмъ Онъ былъ въ сущности своей. Но не можемъ ли мы сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ и въ насъ самихъ происходитъ тоже самое? И въ насъ происходитъ противорѣчіе между назначеніемъ нашимъ, составляющимъ нашу сущность, и дѣйствительностію, подчиняющеюся тлѣности. Въ дѣйствительности мы не то, что мы по истинѣ, но мы ожидаемъ времени, когда мы будемъ этимъ. Тогда разрѣшится противорѣчіе нашего существованія, а

въ Иисусѣ Христѣ это противорѣчіе существовало въ высшей степени, потому что въ Немъ сама вѣчная жизнь преобразилась во временную,—вѣчный Сынъ Божій—въ слабую плоть. Онъ изображалъ въ лицѣ своемъ сильнѣйшее противорѣчіе между сущностью и дѣйствительностью, и то, что Онъ представлялъ въ лицѣ своемъ, исполнилось въ исторіи Его жизни. Здѣсь эта противоположность все больше высказывается и рѣзче всего—въ Его смерти: когда вѣчная жизнь преобразилась въ смерть, чтобы на пути этомъ сдѣлаться нашей жизнію, то это казалось сильнѣйшимъ отрицаніемъ и уничтоженіемъ Его призванія къ спасенію; потому ученики Его никогда не могли понять, что Онъ долженъ умереть, и, во всякомъ случаѣ, это было высочайшее, что могло случиться. Но это высочайшее и было поворотъ, величайшій узелъ, который завязалъ грѣхъ; въ смерти Его онъ крѣпче всего, но тутъ-то его развязываетъ благодать. Послѣ смерти Его слѣдуетъ воскресеніе и преображеніе: здѣсь разрѣшаются противоположности Его жизни, здѣсь уничтожается противорѣчіе, которое Онъ носилъ въ Себѣ, потому что Воскресшій и въ дѣйствительности тоже, что Онъ былъ по существу своему; теперь Онъ явился тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ—Сыномъ Божиимъ, не въ слабости больше, а въ силѣ. Этимъ исторія лица Его достигла своей цѣли, чтобы сдѣлаться и нашей исторіей, потому что то, что Онъ прожилъ и выстрадалъ, Онъ прожилъ и выстрадалъ для насъ. Въ исторіи Его совершается дѣло Его,—дѣло примиренія. Въ этомъ была задача Его жизни, въ этомъ состояло Его призваніе. Въ слѣдующій разъ мы будемъ говорить объ этомъ дѣлѣ примиренія.
